ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82-25
5.9.2 Литературы народов мира (филологические науки)

Н.С. Зелезинская
Белорусский государственный университет

ПОЭТИКА СЮЖЕТА О РОЖДЕНИИ МЕРЛИНА В АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

В статье прослеживается бытование мотивов, из которых в средневековых источниках сложился сюжет о рождении Мерлина, а именно: соблазнение непорочной девы, сверхъестественное зачатие, рождение чудо-ребенка, пророчество, мудрость – в английской литературе Ренессанса и раннего Нового времени.

Мерлин, Артуриана, английская драма, мифоисторическая пьеса, бытовая комедия, поэтика сюжета, мотив сверхъестественного зачатия, мотив пророчества, мотив мудрости/учености, шекспировский апокриф, А.Н. Веселовский.

Введение. В процессе развития средневековый сюжет о рождении Мерлина складывался из таких мотивов, как соблазнение непорочной девы, сверхъестественное зачатие, рождение чудо-ребенка, пророчество, мудрость. Каждый из них эволюционировал определенным образом, в зависимости от культурно-исторических событий, теологических нюансов и изменения гендерных поведенческих кодов. Кроме того, значительную роль в развитии мотивов сюжета о рождении Мерлина сыграли их библейский генезис и необходимость отделить сверхъестественное зачатие от божественного, который в рамках христианского мира может быть воплощен только в рождении Христа, в то время как образ матери должен быть отделен от образа Девы Марии и непорочного зачатия. При отделении сверхъестественное зачатие стало трактоваться как демоническое, непорочное зачатие как зачатие во сне. Демонизация Мерлина привела к внутренней конфликтности образа, поскольку сын дьявола оказывался величайшим английским пророком и советником легендарного короля Артура. В средневековых текстах о рождении Мерлина парадокс преодолевался за счет добродетели матери, которая спасала сына своим благочестием.

В свою очередь, мотив мудрости Мерлина достаточно быстро превращается в ученость. Начиная с «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского, символом знания является книга. Если в «Истории бриттов» на книги ссылается не Мерлин, а придворный (лже)маг, а сам Мерлин обходится без книжного слова, как друид, то уже у де Борона мотив книжного знания меняет субъекта: Мерлин хочет записать свои пророчества, потому что сказать их нельзя, но через книгу они будут говорить с людьми. Этим новозаветным обещанием заканчивается рассказ, метанарративно сливаясь с заключением автора (And he that will know the lyf of kynges whiche were in the Grete Bretayne before that Cristendom come, beholde The Story of Bretons, that is a boke that Maister Martyn traunslated oute of Latyn. But heire resteth this matere) [22, с. 380]. Цель данного исследования – выявить трансформации мотивов, образующих сюжет о рождении Мерлина в раннее Новое Время и наиболее полно воплощеных в пьесе Уильяма Роули «Рождение Мерлина», под влиянием культурно-исторических, теологических и литературных контекстов эпохи и показать, как сначала усиливается демонизация образа Мерлина в связи с ростом общественного внимания к демоническому, а затем демонизированный образ снижается и становится частью фарсовой сюжетной линии. В перспективе поэтики мотивов данный вопрос ранее не ставился в мировом литературоведении. Пьеса Роули являлась объектом исследования, по большей мере, с точки зрения возможного авторства Шекспира или социальных контекстов (G. Ashe, J. Udall, F.A. Howe, M. Isaac, R.J. Sweart). Анита Обермайер непосредственно исследует вопросы демонизированного зачатия, однако фокусируется на других контекстах (см. дальше) и ставит проблему конфликта мотивов [20]. В русскоязычном литературоведении данное исследование продолжает, с одной стороны, критическую традицию исследования Артурианы (А.Д. Михайлов [4], О.М. Ладыгина [3] и др.). С другой стороны, исследование опирается на труды А.Н. Веселовского как методологически – в русле исторической поэтики [2], так и диахронически – продолжая вектор работы о Соломоне и Асмодее в раннее Новое время [1]. Пьеса Уильяма Роули «Рождение Мерлина» впервые вводится в русскоязычный литературоведческий дискурс.

Образ Мерлина в эпоху Ренессанса. Развивая три сюжетные линии, пьеса по охвату мифической истории Англии, мотивам и системе персонажей ориентируется не на «Историю бриттов», а на «Мерлина» Робера де Борона, однако магическое получает гораздо большее развитие, чем в любом из предыдущих произведений о Мерлине, что связано с постреформационными трансформациями как религиозного, так и социального порядка. «Протестантизм нисколько не ослабил народного суеверия. Он только направил его в другое, более опасное русло. В светлые чудеса святых новая религия запрещала верить. Зато тем более

пышным цветом распустилась в ее лоне вера в чудеса мрачного характера, особенно же мысль о непрерывном вмешательстве в людскую жизнь адской силы. <…> Новоявленная протестантская религия нисколько не стремилась к тому, чтобы ослабить в обществе эти чувства; напротив, она–то всего более и помогла им достигнуть тех чудовищных размеров, до каких дело дошло к концу XVI века. Известно, какую роль играет сатана в лютеранской теологии. С ее учением о несвободе воли она вся строится на борьбе неба и ада за человеческую душу <…> Если уже искать тут личность, которая более всего виновна, то это Лютер. И если искать книгу, которая более всего содействовала распространению такого бреда, то книга эта – Малый Лютеров катехизис. <…> Катехизис с детства вдалбливался в голову всякому протестанту, приучая его вечно бояться козней сатанинской силы и превращая для него учение о колдовстве в догмат веры» [5, с. 168–178].

Хотя одержимость дьяволом считается неотъемлемым атрибутом теологии Лютера, в последнее время все больший вес получают размышления о ее последствиях для культуры, религии и социологии: «Очевидная убежденность Лютера в существовании дьявола имела такое парадоксальное, на первый взгляд, следствие, как сильный скептицизм и антипатия по отношению к астрологии, предрассудкам, колдовству и заклинаниям» [16, с. 32]. Такие выводы приближают современное гуманитарное знание к совмещению веберовской идеи расколдования (disenchantment) Европы в раннее Новое время, ее критики с позиций теории околдования (enchantment) и корректировки обеих. Вряд ли можно говорить о тотальной секуляризации в период религиозных войн и конфессиональных споров, но и нельзя отрицать культурный слом, повлекший перерасстановку акцентов в разных проявлениях магического. Алхимики, колдуны и астрологи отождествлялись друг с другом, книжное знание, свойственное им, демонизировалось. Увлечение колдовством елизаветинской эпохи переходит в увлечение демонологией, ведовство вызывает страх и преследования, к осуждению обоих примешивается осмеяние. На соединении этих модальностей строится мир сверхъестественного в пьесе Уильяма Роули «Рождении Мерлина», представленный Дьяволом, Люциной, тремя богинями судьбы, множеством духов (spirits) и видений (apparitions), а также тремя магами: Отшельником Ансельмом, Проксимусом и Мерлином.

Такое обилие и неоднородность сверхъестественных существ и проводников сверхъестественной силы встречается в английской драме раннего нового времени не так уж редко – можно вспомнить как елизаветинские, так и яковитские примеры: «Фауст» (*The Tragical History of the Life and Death of Doctor Faustus,* 1689-91) Кристофера Марло, «Сон в летнюю ночь» (*A Midsummer Night's Dream,* 1595-6) Уильяма Шекспира, «Ведьма» (*The Witch,* 1613-16) Томаса Миддлтона, «Пусть эта пьеса не хороша, но в ней есть дьявол» (*If This Be Not a Good Play the Devil is in It*, 1611) Томаса Деккера и др.

Сверхъестественный мир в комедии Роули отличают конфликтность и разобщенность. Борьба сверхъестественных сил разной природы символически воплощена в мотиве поединка магов, известном зрителям/читателям также по пьесам «Монах Бэкон и монах Банги» (*Friar Bacon and Friar Bungay,* 1594) Роберта Грина и «Джон из Кента и Джон из Камбера» (*John a Kent and John a Cumber*, 1597/90) Энтони Манди. В пьесе Роули генерал саксов Осторий выставляет темного мага Проксимуса против христианского отшельника Ансельма, чье имя является аллюзией на Ансельма Кентерберийского ради усиления ассоциаций с христианскими идеалами. Поскольку христианин Ансельм не может участвовать собственно в поединке магов, он как бы разрешает темному магу Осторию показать, на что тот способен, чтобы развенчать его чары. Поединок актуализирует сразу несколько теологических споров: Может ли разная магия быть одинаково сильной? Можно ли по волшебству отличить белую и черную магию и если нет, то чем же они различаются (тут речь идет о воздействии чар Отшельника на войско Осторию и его проигрыш)? Есть ли различие между мудростью, ученостью и магией? Что из этого сильней и нужней? Что сильнее искусство (мага) или природа (тот же вопрос задает Шекспир в «Буре»)? Может ли темный маг на службе у мудрого государя принести пользу?

Данный вопрос был в центре дискуссий во время правления Иакова I, который поднимал его в «Демонологии», вкладывая спорные позиции в уста двух диспутирующих философов. Устами своего alter ego Иаков не признавал законность натуральной, или белой, магии, указывая на то, что любая магия происходит от дьявола, предупреждал об опасности колдовства и ведовства и требовал отделять иллюзии от божественных чудес [12, с. 67–71]. Однако при этом король имел устойчивый практический интерес к проявлениям сверхъестественного. Недаром к его покровительству обращались – небезуспешно – алхимики Тихо Браге и Корнелиус Дреббель, Иоганн Кеплер преподнес ему De Stella Nova с посвящением, а Уильям Шекспир и Бен Джонсон с явной оглядкой на интересы короля выводили на сцену «ведьмовские» пьесы и маски. Как пишет Джон Паркер, «И Кеплер, и люди короля искали в “Демонологии” Джеймса способы использовать его интерес к магии, его вкус к разоблачению мошенничества и его отказ прямо осуждать исследование или даже производство сверхъестественных явлений в контролируемых условиях, специально созданных для наблюдения, таких как экспериментальная мастерская, лаборатория астронома, королевский дворец или театральный театр» [21, с. 5]. Амбивалентность отношения к колдовству определяет образ Мерлина, который появится на свет и на подмостках только в третьем акте.

Тем не менее, за вторую половину трагикомедии маг успевает выполнить ожидаемую от него историческую миссию по усилению королевской власти, осложненную современным политическим контекстом становления стюартовского абсолютизма. Проблему того, как может дитя дьявола приносить пользу и пользоваться авторитетом британского короля, Роули решает по-бороновски: пророк находит в себе моральные силы противостоять могущественному отцу и переходит на сторону света. Таким образом, «пьеса нетрадиционно утверждает, что даже демоническая магия может стать легитимной и послужить хорошим ресурсом для короля» [15, с. 109–110].

В этой перспективе пьеса относится к мифоисторическому жанру. Так, политическая коллизия пре-

столонаследия и защиты страны от захватчиков дана в пьесе сквозь призму борьбы страстей и воли ее участников: одержимость короля Аврелия саксонской принцессой показывается как причина его гибели, а способность Утера победить порывы сердца доводами разума – как залог его будущего мудрого правления. В этой сюжетной линии заметна прагматика зерцала, и пьеса вполне могла быть адресована вниманию принца Чарльза, потенциального Артура британского престола.

Однако мотив зачатия от дьявола является катализатором не столько догматических споров, сколько семейных и социальных конфликтов, которые Роули ставит на первое место и предлагает нам посмотреть на привычную *историю* или *роман* (*romance*) с позиций жанра бытовой комедии. В этой жанровой перспективе Мерлин, появляющийся из кустов с бородой и книгой, слишком быстро и странно взрослеющий «монстр» (moon-calf) [10, 3.4.12] – часть комической сюжетной линии, основными персонажами которой являются мать Мерлина Джоана Этимделом и ее брат, названный Простаком (Clown)[1]. Именно Простаку отдано наибольшее количество строк в пьесе, что косвенно доказывает авторство Роули, согласно подсчетам Дэвида Никола, написавшего и/или сыгравшего четырнадцать простаков (clowns), «в образах которых преобладает критика общества» [19, с. 24]. В «Рождении Мерлина» критике подвергаются институт брака, отношение общества к внебрачным детям и незамужним матерям и порочность двора.

В метафорике сверхъестественных образов и мотивов в сцене рождения Мерлина аудитория узнает шекспировские драмы. Богинями судьбы Роули, как и макбетовскими вещими сестрами, повелевает Геката. Как и в «Буре», все магические приказы выполняют духи, они же показывают представления и пророчества. Как во «Сне в летнюю ночь», лес населен разнообразными существами и, словно сказочные феи, богини судьбы дарят новорожденному Знание, Искусство, Ученость, Мудрость и Пророческий Дар (Knowledge, Arts, Learning, Wisdom and Prophecy). Хотя отцом Мерлина является дьявол, а мать сравнивается с ведьмой, Мерлин и в начале XVII века – положительный герой и успешный пророк. Созданный на стыке описанных выше традиций и жанров, образ Мерлина – одновременно демонический и нелепый – объединяет исторический сюжет с бытовой драмой и в то же время метанарративно отстоит от действия пьесы и однозначной жанровой атрибуции, превращая Мерлина в творца драмы с книгой пророчеств в руках [10, 1.2.221].

С этого момента задачей Роули становится согласование дьявольского происхождения с великим будущим пророка. Образ Мерлина не случайно помещен между образами отшельника Ансельма и Проксимуса. Первоначально близкий к последнему, Мерлин практически поднимается до уровня христианского подвижника за счет отождествления мудрости с благочестием. Последовательно отвергая дьявольский соблазн и самого дьявола, Мерлин отвоевывает свою мать в магической битве, используя знание для победы над врагом рода человеческого. Это огромное расстояние от дьявольского семени к благочестию и есть тот индивидуальный путь спасения, который нужно проделать Мерлину в раннее Новое время.

Если в начале пьесы знание Мерлина «противоестественно и пародийно» [2, с. 64], а будущий пророк предстает «ведьмой» и «колдуном» [10, 3.4.31–32], то по мере углубления в исторические и политические контексты Роули подтягивает его к протестантскому идеалу. В пятом акте Мерлин уже использует риторику проповеди и практически не отличим от Отшельника, фигура которого явно унаследована из «Мерлина» де Борона. Тем не менее, и комическая линия Мерлина не прерывается, что позволяет драматургу учесть скепсис по отношению к пророчествам вообще и мерлиновским в частности.

Заключение. Итак, сюжет о рождении Мерлина сложился из мотивов соблазнения непорочной девы, сверхъестественного зачатия, рождения чудо-ребенка, пророчества, мудрости, которые складываются в раннее Средневековье (у Гильды, Ненния и далее к XII в.) и бытуют как в английских (Гальфрид Монмутский, Лайамон, переводы XV в.), так и в континентальных (Робер де Борон) текстах до раннего Нового времени. По мере развития поэтики сюжета образ Мерлина демонизируется ввиду монотеистической монополии на миф о непорочном зачатии, в результате чего сверхъестественное зачатие в христианской парадигме может быть понято только как демоническое (Роберт де Борон). Однако демонизации Мерлина сопротивляется другая составляющая его образа, а именно «мудрец» и «советник короля», которые ассоциировали его с английскими монархами. Так как миф об Артуре стал источником исторических разработок, историографических выводов, частью мифа о происхождении власти, в частности, тюдоровского мифа, т.е. артуровская образность использовалась в идеологических целях (это особенно заметно у Драйдена и Хейвуда), Мерлин должен был оставаться положительным персонажем. Более того, на этот внутренне конфликтный образ в XVI–XVII вв. наложилась дискредитация пророчеств Мерлина. Т.е. на стыке теологических и историко-политических контекстов постоянно происходит переосмысление его образа. Вследствие этого к концу XVI – началу XVII века сама амбивалентность данного образа стала его неотъемлемой чертой, что проявилось в мерлиновских реминисценциях драматургии Шекспира.

Внутренняя конфликтность сложившегося сюжета, где дьявольское зачатие приходит в противоречие с пророчествами и мудростью королевского советника, влияет не только на образы и мотивы, но и на жанровую атрибуцию пьесы Уильяма Роули «Рождение Мерлина». Созданный Уильямом Роули на стыке описанных выше традиций и жанров образ Мерлина – одновременно демонический и нелепый – объединяет мифоисторический сюжет с бытовой комедией и в то же время метанарративно отстоит от действия пьесы и однозначной жанровой атрибуции, превращая Мерлина в творца драмы с книгой пророчеств в руках [10, 1.2.221].

Сближение полярных мотивов в одном сюжете и совмещение несовместимых элементов в одном обра-

[1] CLOWN Seen ye, ha, ha, it seems she has felt you too, here's a yong Go-too't a coming sir, she is my sister, we all love to Go-too't, as well as your worship, she's a Maid yet, but you may make her a wife, when you please sir [27, p. 99–101].

зе – характерная черта барочной драмы, ярко проявленная в «Рождении Мерлина». В пьесе благочестивые намерения присущи не только тирану Вортигеру, а обвинения в колдовстве могут прозвучать в адрес благочестивых героев: даже в образ Отшельника Роули вплетает демонологические мотивы, когда на пиру саксы обвиняют ненавистного им Ансельма в магии [10, 2.2.150, 153, 155, 162, 164, 167, 173]. Полярное расположение образов и мотивов задает динамику сюжету и эмоциональным реакциям зрителей, дифференцирует и размечает религиозный, исторический и социальный дискурсы, создает между персонажами, не пересекающимися внутри сюжетного действия, антагонизм и одновременно диалог.

ЛИТЕРАТУРА

1. Веселовский, А. Мерлин и Соломон. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине / А. Веселовский. – Москва : Эксмо-Пресс ; Санкт-Петербург : Terra Fantastica, 2001. – 860 с.
2. Веселовский, А. Н. Поэтика сюжетов / А. Н. Веселовский // Избранное: Историческая поэтика / составитель, комментарии И. О. Шайтанов. – Москва : РОССПЭН, 2006. – С. 535−573.
3. Ладыгина, О. М. Культура мифа: Книга для учащихся / О. М. Ладыгина. – Москва : Издательство НОУ «Полярная звезда», 2000. – 56 с.
4. Михайлов, А. Д. «Книга Гальфрида Монмутского и ее судьба» / Гальфрид Монмутский // История бриттов. Жизнь Мерлина. – Москва : Альма-Матер, Гаудеамус, 2023. С. 283–321.
5. Сперанский, Н. Ведьмы и ведовство. Очерк из истории церкви и школы в Западной Европе / Н. Сперанский. – Москва : Типо-литография Т-ва Н.Н. Кушнерев и Ко, Пименовская ул., соб. дом, 1906. – 201 с.
6. Bacon, Sir F. The Essayes or Covnsels, Civill and Moral / F. Bacon. – London, 1625. – STC 1148.
7. Armistead, J. M. “Dryden’s ‘King Arthur’ and the Literary Tradition: A Way of Seeing” / J. M. Armistead // *Studies in Philology*. – 1988. – Vol. 85, № 1, 1988. – P. 53–72. – URL: http://www.jstor.org/stable/4174290 (дата обращения: 07.04. 2026). – Text : electronic.
8. Bailey, M. D. Witchcraft and Demonology in the Middle Ages / M. D. Bailey // The Routledge History of Witchcraft, ed. By J. Dillinger. – Routledge, 2019. – P. 46–60.
9. The Birth of Merlin, facsimile / ed. by John S. Farmer. – Toronto, 1988. – 381 p.
10. The Birth of Melin, or The Childe Hath Found his Father attributed to William Shakespeare and William Rowley. – Element Books, 1989.
11. Cooper, H. The English Romance in Time. Transforming motifs from Geoffrey of Montmouth tothe death of Shakespeare / H. Cooper. – Oxford : Oxford university Press, 2004. – 542 p.
12. The Demonology of King James I: Includes the Original Text of Daemonologie and News from Scotland, ed. by Donald Tyson. – Woodbury, Minnesota : Llewellyn Publications, 2011. – 325 p.
13. Fehrenbacher, R. The Domestication of “Merlin” in Malory’s “Morte DArthur” / R. Fehrenbacher // *Quondam et Futurus*. – 1993. – Vol. 3, № 4. – P. 1–16. – URL: http:// www.jstor.org/stable/27870250 (дата обращения: 07.04.2026). – Text : electronic.
14. Heywood, Th. The life of Merlin, surnamed Ambrosius; his prophecies and predictions interpreted, and their truth made good by our English annals: being a chronographical history of all the kings and memorable passages of this kingdom, from Brute to the reign of King Charles / Th. Heywood. – London : Harding and Wright printers, 1813. – 324 p.
15. Isaac, M. L. Legitimizing Magic in “The Birth of Merlin” / M. L. Isaak // Early Theatre. – June 2006. – Vol. 9, № 1. – P. 109–121.
16. Merlin Through Ages. Anthology and Source Book. Ed.by R.J. Stewart and J. Matthews. Foreword by D. Sprangler. – London : Blandford, 1995.
17. Miles, M. Martin Luther and Childhood Disability in 16th Century Germany: What Did He Write? What Did He Say? / M. Miles // Journal of Religion, Disability & Health. – 2001. – 5(4). – P. 5–36. – URL: https://doi.org/10.1300/J095v05n04_02 (дата обращения: 07.04.2026). – Text : electronic.
18. Millican, Ch. B. The First English Translation of the “Prophecies of Merlin” / Ch. B. Millican // Studies in Philology. – 1931. – Vol. 28, № 4. – P. 720–29. – URL: http://www. jstor.org/stable/4172130 (дата обращения: 07.04.2026). – Text : electronic.
19. Nicol, N. The Stage Persona of William Rowley, Jacobean Clown / N. Nicol // Cahiers Élisabéthains. – 2008. – 74. – P. 23–32.
20. Obermeier, A. Merlin’s Conception by Devil in William Rowley’s Play “The Birth of Merlin” / A. Obermeier // Arthuriana. – 2014. – Vol. 24, № 4. – P. 48–79. – URL: http:// www.jstor.org/stable/44697476. – Accessed 3 Aug. 2025. – Text : electronic.
21. Parker, J. Drama and the Death of God / J. Parker. – Ithaca and London : Cornell University press, 2025.
22. Roman en prose du XIIIe siècle publie la mise en prose du poeme de Merlin de Robert De Boron D’Apres le Manuscrit appurtenant a M. Alfred H. Huth par Gaston Paris er Jacos Ulrich. – Paris : Tome Premier, 1886. – 394 p.
23. Smith, J. B. Introduction and Biography / J. B. Smith // A Companion to Geoffrey of Monmouth ed. by Georgia Henley and Joshua Byron Smith. – Leiden : Brill, 2020. – P. 1–30.
24. Spencer, E. The Faerie Queene / E. Spencer, ed. by A.C. Hamilton. – Routledge, 2007.
25. Shakespeare, W. King Henry IV, Part 1 / W. Shakespeare. – Bloomsbury, 2017. – P. 361–494.
26. Shakespeare, W. King Lear / W. Shakespeare. – Bloomsbury, 2017. – P. 633–669.
27. Udall, J. Date, Staging and Stage History / J. Udall // A Critical Old-Spelling Edition of The Birth of Merlin (Q 1662). – London : The Modern Humanities Research Association, W.S. Maney & Son Limited, 1991. – P. 11–22.
28. Udall, J. Chronicle History and Romance / J. Udall // A Critical Edition of the Birth of Merlin (Q 1662). – London : The Modern Humanities Research Association, W. S. Maney & Son Limited, 1991. – P. 33–49.

N.S. Zelezinskaya

POETICS OF THE PLOT OF MERLIN’S BIRTH IN EARLY MODERN ENGLISH LITERATURE

The article considers the occurrence of the motifs that formed the plot of Merlin’s birth in medieval sources (namely the seduction of a pure virgin, supernatural conception, the birth of a miracle child, prophecy, wisdom) in English literature of the Renaissance and the early modern period.

Merlin, Arthuriana, English drama, mythohistorical play, domestic comedy, poetics of the plot, motif of supernatural conception, motif of prophesy, motif of wisdom/learnedness, Shakespeare apocrypha, A.N. Veselovsky.